

Учайкина Айару Михайловна

ОБЫЧАЙ ИЗБЕГАНИЯ У АЛТАЙЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В статье рассматривается функционирование обычая избегания у алтайцев во второй половине XX века. Впервые исследование обычаев избегания алтайцев, наряду с этнографическими работами, проводится по полевым материалам, позволяющим более глубоко увидеть изучаемую сферу отношений. Автор путем анализа классификации запретительных норм прослеживает трансформацию обычая в этическую норму общества.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/56.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 5 (43): в 3-х ч. Ч. I. С. 184-188. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 392

Исторические науки и археология

В статье рассматривается функционирование обычая избегания у алтайцев во второй половине XX века. Впервые исследование обычаев избегания алтайцев, наряду с этнографическими работами, проводится по полевым материалам, позволяющим более глубоко увидеть изучаемую сферу отношений. Автор путем анализа классификации запретительных норм прослеживает трансформацию обычая в этическую норму общества.

Ключевые слова и фразы: обычай; избегание; запрет; этикет; норма; Республика Алтай; алтайцы.

Учайкина Айару Михайловна

*Горно-Алтайский государственный университет
aiaroposheva@mail.ru*

ОБЫЧАЙ ИЗБЕГАНИЯ У АЛТАЙЦЕВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА[©]

За последние десятилетия в этнографической литературе оживился интерес к обычаям избегания. Эти обычаи исследуются у народов Кавказа, Средней Азии, Южной Сибири и других историко-этнографических регионов нашей страны [1; 2; 9]. Избегание – широко распространенный обычай запретов во взаимоотношениях между родственниками или свойственниками.

У алтайцев обычай избегания обозначается терминами: «кайындаш» – обычай, регулирующий отношения невестки с отцом и старшими родственниками мужа и «келиндеш» – для определения обычая избегания между старшими родственниками мужа и невестки.

Термин «кайын» обозначает старших родственников мужа, по отношению к которым молодая девушка соблюдает определенные нормы поведения. Этот термин происходит из другого слова «кайын», обозначающий березу. Березу (кайын) как свадебное дерево выставляют у входа, в дымоход, на почетном месте юрты и используют для занавеса новобрачных. О вступлении в силу обычая объявляют на свадьбе, после того как «јаан кайны» (старший кайны) рукояткой плетки или веткой можжевельника открывает ритуальный занавес, за которым находится невестка, и в форме благопожелания объявляет невесте, как она теперь должна себя вести, кого избегать и почитать. Пожелания могут быть следующие:

«Арка јердин ак-кайын,
алдын чаппай байлап јур.
Айылда отурган јаандардын,
адын айтпай, байлап јур.
Төстөк јерде кайыннын,
төзин кеспей, байлап јур.
Төрдө отурган јаандардын,
адын айтпай байлап јур».

«Белой березы в лесу, ствол не срубай, почитай.
Старцев в аиле имена не называй, почитай.
Белой березы на холме, ствол не срубай, почитай.
Старцев, сидящих на почетном месте у очага,
имена не называй, почитай» [3, с. 4].

Или «Адымды адаба, јолымнаг кечпе. Јаанды јаан деп, јашты јаш деп байлап јур» – «Имя мое не называй, дорогу мою не перебегай. Старше себя – за старшего почитай, младше себя – за молодого считай» [11, с. 67].

Невеста, а в будущем жена, в рамках обычая избегания по отношению к старшим мужчинам-родственникам мужа и его отца соблюдает комплекс таких запретов, как запрет на имя (исключено обращение по имени, а по статусу), запрет на неподобающий вид (считается за «табу» появление женщины без головного убора, платка, с открытыми коленями и т.п.), запрет лицемерия, запрет на вещи «кайны». При этом данный комплекс запретов не носит одностороннего характера, так как запреты взаимны.

Наблюдая обычаи избегания, некоторые исследователи отмечали приниженное и ущемленное положение алтайской женщины [13, с. 11], но данное утверждение оспаривалось другими исследователями, например, Э. Гершельман верно отмечал, что в производстве материальных благ для семьи труд женщины играл большую роль, что определяло ее свободу действия и самостоятельность в сфере домашнего хозяйства. «Постоянно занятая делами, активно включенная в круг общих интересов женщина у алтайцев-кочевников далеко не является образцом забитости и рабского безличия. В этом отношении она может составить довольно резкий контраст с положением женщин у кочующих рядом казахов и, отчасти, среди даже окружающих алтайцев русских крестьян» [6, с. 135].

По мнению информатора В. А. Чеконова, потомственного зайсана рода јус, ущемление в правах женщин на определенном этапе развития этноса существовало: «женщина должна была шапку одевать, находиться в *чегедеке* – верхней накидке замужней женщины, в присутствии свекра должна была вставать, даже брата мужа она должна была почитать. Женщину начали принижать с расслоением общества. С появлением богачей и их привилегии иметь по несколько жен. А бедняку, какая нужда над женой издеваться? Она у него одна, может, еще и нет жены. А богачи допускали такое отношение, у них и жен было две, три». Вместе с тем, по его же рассказу, в черновой тайге, были жены, которые обычаи избегания не соблюдали и поколачивали

своих мужей. Был такой случай, один бойкий парень поколачивал жену. Сам он был маленький, а она высокая и здоровая по телосложению. Жена терпела все унижения, но один раз хлестанула его, что он упал, и потребовала, чтобы он больше с ней так жестоко не обращался. Муж побежал к зайсану. Во время суда ее спросили, что произошло, и она сообщила о недостойном поведении мужа. Зайсан в итоге вынес решение о том, что муж ее не прав и потребовал обращаться с женой вежливо. Многие были против такого решения, так как считали униженным мужчину и требовали наказания жене. Но зайсан был умный и сказал: «а детей кто будет кормить, если он ее будет бить?» (*полевой материал автора – Чеконов*).

Зайсаны следили за тем, чтобы в семье было равноправие, и не допускали плохого обращения с женщиной. Уважительное отношение к женщине в алтайском обществе было все-таки традиционным явлением. Мать в семье пользовалась большим уважением со стороны детей. О том, как алтайцы относятся к людям старшего поколения, В. Вербицкий писал: «... к старикам очень почтительны и уважительны. Дети не произносят имени своих родителей, как бы считая недостойными этой чести» [5, с. 100].

В этнографических источниках ограничения в отношении получили название «психических запретов». Психические запреты были установлены между свёкром и невесткой и между тещей и зятем. Как отмечает Н. П. Дыренкова: «Свёкор *кайын-ада* не может шутить с невесткой, не должен садиться на её постель. Невестка не имеет права ходить босиком при нём, быть в его присутствии без *чегедека* и без платка, не должна поворачиваться к свёкру спиной. Невестка не может не только называть свёкра по имени, но даже произносить его имя и называть предметы, по названию напоминающие имя свёкра. Так, например, если фамилия свёкра Мальтусов или Коноков, невестка не должна называть ни топора – *малта*, ни ведро – *көнөк*» [7, с. 257].

Запрет на имя не позволяет произносить имена старших родственников мужа как в их присутствии, так и в отсутствии, хорошо сохранился до наших дней. Большинство информаторов старшего поколения, возраста от 65 до 90 лет до сих пор не называют имена своего «кайны». Информатор N. рассказывает о том, что отца мужа звали *Тохна*, а отца *Тохны* звали *Кукак*, их нельзя было называть по имени. А при обращении к последнему называли его *Өстөркө*, словом которое ничего не обозначало. Информатор также не называла по имени *кайын эне* (свекровь) и соблюдала по отношению к ней некоторые нормы поведения.

Другой информатор N. соблюдала обычай по отношению к свекру, старшим братьям мужа и *кайын таай* – младшему брату свекрови. Имя свекра было *Жырыш*. Это имя она до сих пор не называет. Сообщила, написав его на бумаге. *Кайын таай* имя было *Тодор*. Ей запрещалось перебегать или пересекать его дорогу, чтобы зайти в юрту, в которой он находился, необходимо было обойти юрту по солнцу, и заходить. Имена братьев мужа также нельзя было называть: *Акчабая* нужно было называть *Манатпай*, а *Боорсока* – *Өтпөк*. Как-то раз она была в гостях в доме *Боорсока*, и его супруга попросила ее испечь лепешки, которые называются *боорсок*. Когда в юрту зашла ее дочь С. и спросила: «Мама, что ты хочешь испечь?», на что N. ответила: «хочу испечь боорсоки». Это услышал находившийся в юрте *Боорсок* и, схватив в руки какой-то первый попавшийся предмет, крикнул ей: «Как ты со мной обращаешься?!». А N. ответила ему: «Что я могу поделать, если имя у вас такое?».

Информатор N. рассказывает, что имя его отца было *Керек*, что в переводе на русский означает «надо». И поскольку слово «надо» довольно часто встречается в речи, у невесток возникали трудности в полном исключении его из речевого оборота. Поэтому его имя стали употреблять не на своем языке, а на русском – «Надо». Аналогичным образом настоящие имена заменялись на другие, например, *Лудрук* (кулак) заменялось на *Уштанар* (брать горстью), *Мырчаков* (*мырчак* – горох) – на русское Горохов.

Запрет на произношение имени существовал не только между свекром, братьями свекра и невесткой, данную норму мы заметили и в отношениях между супругами, когда информатор не смог нам сказать, как звали его жену. Супругу он называл русским словом «Ягода», когда ее имя было «Жилгет», то есть в переводе «ягода». Во многих семьях муж и жена обращались друг к другу по имени. Возможно, представления о священности и сакральном назначении имени человека распространили этот обычай на большой круг применения и, зачастую, супруги называли друг друга по-иному, например, жена называла мужа *Мааны* (знамя), а муж жену *Тулун* (коса).

В связи с запретом на произношение имен, в быт вошел условный женский лексикон, который в свое время детально описала Н. А. Яимова [14, с. 41-44]. Например, при обращении к старшим родственникам мужа, замужняя женщина вместо имени человека употребляла: 1) термины родства или свойства (*јаана* – «бабушка»); 2) описательные наименования по какому-либо признаку, роду занятия, наклонностям, (*Адучи* – «табунщик» – «дядя по матери, имеющий лошадь»); 3) местоимения при обращении к мужу (*бу* – «этот, тот», *ол* – «он, тот», *ол кижги* – «этот человек»); 4) эвфемизмы – полные или неполные синонимы слов, являющихся основой табуированного имени или же ассоциируемых с этим именем по звучанию.

Если обратиться к вопросу, в каких случаях можно произнести имя *кайны*, то это возможно в моментах смертельной опасности. Например, у шорцев, «невестка выкрикивала имя свекра, если он тонул или какой-либо другой грех с ним случался» [8, с. 264]. У алтайцев мы установили противоположные случаи вынужденного употребления запретных имен, когда смертельная опасность угрожает невестке, например, если она мучается родами или тонет. Один из таких случаев освещен в периодической печати 90-х годов XX века. Невестка мучилась тяжелыми родами и была на грани смерти. После совместного разговора родителей ее мужа, свекор пришел к ней с просьбой, чтобы она назвала его имя и попросила у бога помощи. После чего ее свекровь спустила с дымового отверстия юрты аркан – «кыл армакчы»¹ своего мужа и, подав концы

¹ *Кыл армакчы* – аркан или волосная веревка, изготавливаемая из конского волоса (гривы, хвоста), применяется для привязи коней и других домашних животных, а также в хозяйственных работах (например, перевозке сена).

веревки в руки невестки, сказала, чтобы та просила благословения (молилась), назвав имя свекра. Невестка, протянув веревку ближе к губам, произнесла:

«Айлу-күндү тенериде Ак-Буркан кудайым.
Агаш-гашту Алтай ээзи,
арга јокто адамнын адын адап турум,
аргазы јок өлүмтик оору јоболдонг айрып алыгар.

Алкыш быйан беригер» / «На небе, где солнце и луна есть мой бог Ак-Буркан. Хозяин Алтая. Называю имя свекра от безысходности, оберегите от болезни и смерти. Дайте благословение».

А ее *кайны* (свекор) на улице возле уха держал веревку с другого конца и сказал: «Слышал, дитя мое, твои слова. Произнесла мое имя от безысходности, я буду просить помощи у Ак-Буркана и Хозяина Алтая». После молитв свекра, в этот день невестка благополучно родила, состояние улучшилось, а через несколько дней выздоровела и смогла ходить [15, с. 2].

Кайны также не называет невестку по имени, а называет ее «келин» (сноха). Родители мужа нередко обращаются к невесте «балам» (мое дитя). Традиционные формы обращения с помощью терминов, означающих отца, мать и детей подчеркивают родственную близость отношений.

В присутствии *кайны* недопустимо обнажать рук выше кисти, показывать босые ноги, находиться с непокрытой головой. Несоблюдение данного запрета расценивается как дурное воспитание, неуважение к старшим, *кайны*. Так, одна невестка находилась в аиле без головного убора, и когда в аил зашел ее свекор, она от испуга быстро схватила первый попавшийся предмет и положила на голову. Как потом оказалось, на голову она положила одежду своего ребенка.

Свекор и старшие родственники мужа в присутствии невестки, так же как и она, не показывают босых ног [12, с. 111]. Нарушение этого запрета расценивается как неуважение и невежество по отношению к невесте и ее семье.

Невестка не должна прикасаться к вещам *кайны*: его конскому снаряжению, узде поводу, веревке, ружью, ножу, трубке. Личные вещи *кайны*, как и любого другого мужчины, считаются табуированными предметами для женщины. В числе таких вещей охотничье оружие и снаряжения. Прикосновение к ним женской руки повлечет неудачу в охоте.

Пространственные запреты связаны с тем, что пространство в алтайской культуре строго разграничено. В аиле *кайны* необходимо бережно обходиться с очагом и не переходить изголовье огня. Во внешнем пространстве аила *кайны*, невестка не должна проходить по пространству между коновязью и аилом. Коновязь рассматривается как столп, соединяющий верхний, средний, нижний миры, является пограничным и сакральным знаком культурного пространства аила.

Если невестка отправилась в гости к свекру, то перед тем как войти в юрту, она должна обойти ее кругом и заходить. Но в отличие от запрета на имя, эта норма в конце XX века уже перестала существовать. Мы обнаруживаем лишь единичные случаи. Интересным представляется то, что на одной свадьбе в 1990-х гг. родственники, прибывшие на лошадях на место торжества, объезжали юрту в два круга. После этого хозяева дома выходили к ним навстречу и, взяв за поводок их лошадей, подвели к коновязи. Из этого случая можно констатировать распространение обычая на другие сферы отношений, так как в нем заключаются не только этические категории, но и особый сакральный смысл. Существование обхода вокруг юрты гостями подтверждает Н. А. Тадина: «не сходя с лошадей, сваты объезжали новый аил по ходу солнца: у *алтайкижи* четное количество раз, чаще всего два, а у *теленгитов* три раза». После чего, специально назначенные люди «аньлу улус» спускали и под руки вели гостей в юрту – «для встречи гостей назначаются особые люди – в числе их жених. Они берут у гостей лошадей и привязывают их к столбам» [11, с. 61].

Запрет на частые встречи не позволял избегаемым субъектам часто видеться. При приближении *кайны*, женщина не выходит из своего аила, принято, чтобы встречал его муж, а она остается в аиле и встречает *кайны* там.

Кайны также соблюдает пространственные запреты. Прежде чем войти в дом сына или племянника *кайны* должен постучаться в дверь и не входить до тех пор, пока ему не разрешат. По сообщению информатора, ее свекор, при приближении к юрте, на некотором расстоянии от нее «подавал голос», т.е. что-то негромко говорил, как бы предупреждая о своем приходе. В это время, сидящие в юрте девушки или женщины будут готовы к его приходу, например, если кто-либо без головного убора, то успевает его надеть и т.п.

В аиле, *кайны* находится на мужской половине, в присутствии невестки *кайны* не могли снять какую-либо одежду, садиться на то место, где она спала или сидела, находиться рядом с ней, не допускали шутки, ругань, непристойные выражения. Нарушившего этикет, осуждали как человека невежливого, безнравственного.

В современном алтайском обществе обычай избегания исчез, что связано с поглощением традиционных норм доминирующей правовой системой и приходом демократических изменений в области семейных прав советского общества.

Н. Шатиновой, на основе проведенных ею опросов среди алтайского населения, проводившихся в 80-х гг. XX в., были выявлены критерии, по которым можно узнать знание обычая избегания определенной категорией населения. Исследователь отмечал, то знание обычая избегания стоит в обратной зависимости от уровня образования: чем менее образован информатор, тем полнее он знает традиционные нормы. Из числа неграмотных и малограмотных хорошо знают обычай избегания 94% опрошенных. Информаторы с неполным высшим и высшим образованием гораздо слабее осведомлены по данному вопросу [12, с. 114].

Обычай избегания соблюдали старшее и среднее поколения алтайцев, но не все, а лишь определенная часть. Чем моложе информаторы, тем большее количество из них не расположено к соблюдению обычая избегания. В период проведения опросов было установлено частичное соблюдение нормы избегания в некоторых случаях, в наиболее приемлемых для современности формах: соблюдение женщинами запрета называть по имени старших родственников мужа, проявления уважения к ним, скромное поведение в их присутствии [Там же, с. 115].

В ходе наших полевых исследований информаторы отмечают, что не все соблюдали обычай избегания. Его соблюдение зависело от семей, отличающихся по степени консервативности и приверженности к традициям, а также от необходимости более свободного поведения в обществе. Например, учительнице N. в 60-е гг. XX в. свекор и свекровь разрешили не соблюдать этот обычай, так как посчитали несоответствием норм избегания со статусом и работой невестки. Они сказали: «Качы кижы канай улустын адын адабай отуратан? Урокто ол кижы сенин кайнын дейле адабай отуратан ба?» – «Как может учитель не называть имена людей? Если придется тебе на уроке произнести наши имена, как же ты будешь говорить?».

По поводу одобрительных действий со стороны свекра на несоблюдение обычая избегания имеются сведения у хакасов. В силу ряда неудобств, возникших в семье при обычае избегания «хазынас», в XIX в. бытовала мировая «чарас». После выделения сына из хозяйства совершался обряд примирения, на который собирались родственники. Свекор снимал с невестки наброшенный на ее плечи платок (но не головной убор), после чего она становилась перед ним на колени. Свекор поднимал рукой ее голову, а молодая женщина подавала ему руку. Родственники подавали невестке в ладони бокал вина, который она преподносила свекру. Мировая заканчивалась трехкратным обменом поцелуев. Свекор, в честь мировой, дарил невестке платок, платье, иногда скот. Подаренный скот становился личной собственностью невестки. После мировой «чарас» сноха получала право открытого общения с отцом мужа, но с расстояния не ближе трех шагов. Кроме того, на всем протяжении ее жизни имя свекра оставалось для нее под запретом. В некоторых патриархальных семьях, соблюдавших старые традиции, до самой смерти мужа мировая не проводилась [4, с. 48]. У алтайцев сведения о даче разрешений на несоблюдение запретительных норм приходятся на начало XX века. В случаях, когда *кайны* считал для себя обременительным соблюдение обычая избегания, он подавал невестке во время свадьбы раскуренную трубку или пиалу с аракой, которую невестка должна принять. А у кумандинцев – северных алтайцев, зять подносил вино старшим родственникам жены, чтобы получить разрешение находиться в их присутствии в шапке [10, с. 264.]. В более позднее время, при разрешении несоблюдения избегания, символических действий не совершалось.

Также нами было установлена связь соблюдения обычая в зависимости от территориального проживания информаторов. Районами у южных алтайцев, население которых строго придерживалось традиционных обычаев, считаются Усть-Канский, Усть-Коксинский и Шебалинский. По сообщению информатора N. в 60-е гг. XX века вышла замуж и приехала жить в Усть-Канский район и не могла понять, что произошло, когда на улице ей дорогу перебежала обыкновенная мышь, на что она от испуга крикнула: «Ой, чычкан, чычкан!» – «Ой, мышь, мышь!». А находившийся по близости *кайны*, коловший в это время дрова, неожиданно бросил топор и ушел. Оказывается, фамилии родственников со стороны мужа были *Чычкановы*, произношение которых считалось по обычаю за табу. Слово «чычкан» в переводе с алтайского означает «мышь».

Информатор была родом из другого района – Онгудайского – где обычай избегания не был так широко распространен, и она о нем совершенно не знала.

На основании вышеизложенного можно сделать выводы о том, что во второй половине XX века обычай избегания существовал в алтайской среде, но происходило постепенное его искоренение на фоне современных тенденций развития общества. Мы видим, как прочно прижилась норма запрета на произношение имени и как исчезали другие – пространственные запреты, запреты на вещи, запрет на неподобающий вид.

Сегодня норма избегания полностью изжила себя, но остался менталитет алтайцев, их духовная культура, сохранившая правила общения со старшим поколением. И когда в современной свадебной обрядности, после обычая заплетения волос невестке, находящейся за белым занавесом, *кайны* сообщает о вступлении в силу обычая избегания, предполагается уважительное поведение невестки по отношению ко всем родственникам, а не исполнение норм избегания в превозданном виде.

Список литературы

1. **Аталикова М. Х.** Коммуникативность и процессы самоидентификации в традиционных обществах Северного Кавказа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. III. С. 23-25.
2. **Бахова О. В.** Обычаи избегания у кабардинцев // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 7 (33): в 2-х ч. Ч. II. С. 19-21.
3. **Борсукова К.** Барган келин жаанын-огоожын тооп јурзин / записала Т. Е. Орсулова // Алтайдын Чолмоны. 1995. № 201. 5 ноября.
4. **Бутанаев В. Я.** Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая. Астана: Кантана Пресс, 2011. 440 с.
5. **Вербицкий В. И.** Алтайские инородцы: сб. этнографических статей и исследований. М., 1893. 270 с.
6. **Гершельман Э.** Обычный уклад семейных отношений алтай-кижи // Революция права. 1929. № 4. С. 134-144.
7. **Дырэнкова Н. П.** Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С. 247-259.
8. **Дырэнкова Н. П.** Родство и психические запреты у шорцев // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. Л., 1926. С. 260-265.

9. Назмутдинова И. К. Статус снохи в удмуртской семье: стереотипы поведения и этика взаимоотношений // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (34): в 2-х ч. Ч. II. С. 121-124.
10. Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М. – Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1953. 444 с.
11. Тадина Н. А. Алтайская свадебная обрядность (XIX-XX вв.). Горно-Алтайск: Юч-Сюмер, 1995. 207 с.
12. Шатинова Н. И. Семья и брак алтайцев. Горно-Алтайск, 1997. 226 с.
13. Швецов С. П. Горный Алтай и его население. Барнаул, 1900. Т. 1. Вып. 1. Кочевники Бийского уезда. 360 с.
14. Яимова Н. А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке. Горно-Алтайск, 1990. 169 с.
15. Ялатов Н. Келиннин кайындайтаны // Алтайдын Чолмоны. 1992. № 108. 17 июня.

Информаторы

Кузьмина Галина Бороновна, 1947 г.р., род ара, с. Экинур Усть-Канского района Республики Алтай, записи 2012 г.
 Кундучина Роза Михайловна, 1942 г.р., род сойон, с. Беш-Озек Шебалинского района Республики Алтай, записи 2013 г.
 Куртомашев Еркебай Чугулович, 1932 г.р., род иркит, с. Сугаш Усть-Коксинского района Республики Алтай, записи 2013 г.
 Кыйгасова Турген Шукаевна, 1931 г.р., род алмат, с. Сугаш Усть-Коксинского района Республики Алтай, записи 2010 г.
 Матвеев Михаил Петрович, 1961 г.р. род байлагас, с. Сугаш Усть-Коксинского района Республики Алтай, записи 2013 г.
 Мендешева Жинжиш (без отчества), 1929 г.р., род кыпчак, с. Экинур Усть-Канского района Республики Алтай, записи 2011 г.
 Санашева Галина Ивановна, 1942 г.р., род иркит, с. Мендур-Соккон Усть-Канского района Республики Алтай, записи 2013 г.
 Чеконов Валентин Агафонович, 1932 г.р., зайсан рода жүс, председатель Совета Зайсанов Республики Алтай.

THE ALTAIANS' CUSTOM OF AVOIDANCE IN THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Uchaikina Aiaru Mikhailovna
Gorno-Altai State University
aiaroposheva@mail.ru

The article considers the functioning of the Altaians' custom of avoidance in the second half of the XX century. For the first time the research of the Altaians' customs of avoidance, along with ethnographic works, is carried out by field materials, which allow considering more deeply the studied sphere of relations. The author, by analyzing the classifications of prohibitory norms, traces the transformation of the custom into an ethical norm of society.

Key words and phrases: custom; avoidance; ban; etiquette; norm; the Altai Republic, the Altaians.

УДК 94(470)

Исторические науки и археология

В результате Первой мировой, Гражданской войн и интервенции экономика нашей страны понесла огромные потери. В статье раскрыто состояние Военно-Морского Флота и отечественной судостроительной промышленности в 20-е годы XX века. Сложившееся положение в исследуемый период не позволяло руководству страны возродить былую военно-морскую мощь государства. Однако благодаря успехам советского народа по восстановлению и развитию народного хозяйства, в СССР в конце 1930-х годов была создана такая судостроительная промышленность, которая могла строить корабли всех типов.

Ключевые слова и фразы: Военно-Морской Флот; эскадра; линкор; крейсер; эсминец; подводная лодка; Балтийский судостроительный и механический завод; Адмиралтейский судостроительный завод; судостроительная программа.

Федулов Сергей Валентинович, к.и.н., доцент
 Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
serg.val.fed.661000@yandex.ru

СОСТОЯНИЕ СОВЕТСКОГО ВОЕННО-МОРСКОГО ФЛОТА И ОТЕЧЕСТВЕННОГО СУДОСТРОЕНИЯ В 20-Е ГОДЫ XX ВЕКА (НАЧАЛО ВОССТАНОВЛЕНИЯ И ЕГО ИТОГИ)[©]

Мощный, современный Военно-Морской Флот всегда являлся олицетворением силы государства, претендующего на статус мировой державы. Он становился гарантом неприкосновенности не только морских рубежей страны, но и обеспечивал безопасность транспортных перевозок на море. Вместе с тем, крупный современный для своего времени корабль, являясь боевой единицей флота, олицетворял экономическую, научно-техническую мощь государства на внешнеполитической арене.